

Мы все россияне

А.Б. Широкоград

РУССКИЕ и УКРАИНЦЫ

Братья по вере и крови

Мы все россияне

Александр Широкоград

**Русские и украинцы.
Братья по вере и крови**

«ВЕЧЕ»

2013

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4Укр)

Ширококорд А. Б.

Русские и украинцы. Братья по вере и крови / А. Б. Ширококорд —
«ВЕЧЕ», 2013 — (Мы все россияне)

Русские и украинцы испокон веку были братьями и соратниками в войнах с иноземными завоевателями: поляками, шведами, татарами, турками и немцами. Это утверждение было аксиомой еще четверть века тому назад, но сейчас оспаривается практически всеми украинскими историками. Так что же было на самом деле? Автор попытался объективно рассказать о непростой истории отношений двух народов, имевших одних предков и одно государство – Русь. Читатель узнает много нового и зачастую сенсационного: как дружили и враждовали наши предки, а главное, как вместе защищали от иноземцев свою землю и православную веру.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4Укр)

© Ширококорд А. Б., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Широкоград

Русские и украинцы.

Братья по вере и крови

Глава 1

Как киевляне и владимирцы четыре века дрались в одном строю, не догадываясь, что они не русские, а украинцы

Начинать книгу о боевом братстве русского и украинского народа очень трудно. Дело в том, что в домонгольские времена существовал лишь единый русский народ. Естественно, что это не устраивает националистов ни на Украине, ни в Белоруссии. Соответственно, выдвигались теории, что украинский и белорусский народы существовали всегда и не имели ничего общего с русским народом. Отдельные же остепененные и неостепененные ученые идут дальше и вообще не считают коренное население Украины и Беларуси славянами, а некими украни или литвинами.

Так, язык укров или литвинов, соответственно, признается самым древним на земле. Именно укры изобрели колесо и вавилонскую башню, осаждали Трою и открыли Америку.

Подробно разбирать подобные утверждения я здесь не собираюсь, а интересующихся отправляю к более ранним моим монографиям: «Как Малая Русь стала польской окраиной», «Русь и Литва», «Украина: противостояние регионов».

Я лишь кратко объясню причины образования Древнерусского государства. Подчеркиваю: Древнерусского, а не Киевского. Впервые термин «Киевская Русь» ввел историк Н.М. Карамзин в качестве удобной метки. Ну а «оранжевые» националисты с 1990 г. используют этот искусственный термин для фальсификации истории.

«Повесть временных лет» описывает становление государственности на Руси следующим образом.

В лето 6370¹ от сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске...

...И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и тем всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царь-град

¹ 862 год от Рождества Христова.

со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: "Чей это городок?" Тамошние же жители ответили: "Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам". Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»².

Поскольку время написания летописи отстоит от описываемых событий примерно на 250 лет, то многие историки отказываются рассматривать приведенную цитату в качестве достоверного источника. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел, и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

Еще в XVIII веке спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали «квасные» патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В.Н. Татищева, придумали Рюрику деда – славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье Северной Европы, но и на весь средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «φοιβεύατοι», означающего «союзники», а точнее – наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славянонорманнских отношений.

А какую это «русь» привел Рюрик?

² Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни, и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «*routsi*», что означает «гребцы» или «плавание на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

В IX – X веках знаменитый путь «из варяг в греки» стал государствообразующим для России. Сразу оговорюсь: этот «путь» надо понимать не в узком смысле, как нас учили в школе: Финский залив – Нева – Ладога – Волхов – Ильмень-озеро – Ловать – волоки – Днепр – Черное море. Это лишь один из вариантов пути, по которому, по моей оценке, в IX—X! веках не проходило и десятой доли товарооборота Древней Руси. На самом деле русы освоили несколько десятков речных и озерных путей, которые можно с некоторой натяжкой включить в путь «из варяг в греки».

Начну с того, что перейти с Балтики на Днепр, скажем, в районе Смоленска, можно еще как минимум тремя путями. Первый путь из Финского залива через реку Нарову в Чудское, а затем в Псковское озеро, после вверх по реке Великой и ее притокам, затем волок и – в Днепр.

Второй путь (для удобства читателя я опишу его в обратном направлении) ведет из Чудского озера в Балтийское море. Поднимаясь вверх по реке Эмба до озера Выртсырва, ладьи затем входили в устье реки Тянасилма и поднимались на 34 км вверх по течению до небольшого озера Вильянди. Пройдя 4,5 км по озеру, ладьи шли 34 км по речке Раудне, которая затем впадает в Халисте (7,6 км), а та – в Навести, последняя же впадает в реку Пярну (38 км). Ну а Пярну, как известно, впадает в Балтийское море.

Третий путь из Балтики на Днепр наиболее простой – вверх от нынешней Риги по Западной Двине до нынешнего городка Сураж на границе Беларуси и РФ, а оттуда вверх по притоку Северной Двины реке Каспле до озера Каспля. А от озера вверх до впадения в него речек Клец и Лелеква. Обратим внимание, рядом деревня Волоковая. Далее – волок 6–7 км по болотам и озеро Курино, из которого вытекает речка Катынь – правый приток Днепра.

Можно долго рассказывать и о водных путях, копанках (каналах) и волоках, соединявших Балтику с Доном и с Волгой, и, соответственно, с Черным и Каспийским морями.

На берегах рек в наиболее значимых с военной и торговой точки зрения местах варяги ставили свои городки, а чаще всего вселялись в славянские городища VII–VIII веков. Смешение славян и норманнов в большинстве случаев происходило мирным путем. А есть ли у автора письменные доказательства, или это только гипотеза? Честно скажу, никаких письменных источников нет. Доказательства только логические и находки археологов.

Как уже говорилось, начав тотальную войну со славянами, норманны никогда бы не добрались ни до Черного, ни до Каспийского моря. Между тем и византийские хроники, и норманнские саги говорят о систематических переходах по пути «из варяг в греки» небольших отрядов викингов, направлявшихся на службу к императору, а затем назад, в родные пенаты.

Ну а археологи нашли десятки норманно-славянских поселений, где в слоях, датированных одними и теми же годами, находят предметы, принадлежащие как славянам, так и варягам: оружие, украшения, предметы культа и быта.

Многие норманно-славянские поселения не имели укреплений, а в некоторых валы возведены лишь спустя век или два после основания поселения.

Нетрудно догадаться, что подобное было бы исключено при постоянных войнах между славянами и варягами, хотя отдельные конфликты, естественно, имели место.

Так, в VIII веке варяги основали город Ладогу. Согласно скандинавским сказаниям, город *Aldeigja* (Ладога) был основан самим Одином, позже вошедшим в пантеон скандинавских богов. Археологические раскопки доказывают, что уже в середине VIII века на Земля-

ном городище Ладоги проживало норманнское и славянское население. Дендрологический анализ показал, что самые древние деревья из остатков укреплений были срублены в 753 г. В Ладоге найдены семь кладов, содержащих 467 серебряных арабских монет, а также 30 монет были найдены порознь. В культурных слоях Ладоги, относящихся к 756–760 гг., обнаружены монеты, отчеканенные в Дамаске в 699–700 гг.

Следы присутствия варягов найдены и в городе Белоозеро. Речь, понятно, идет о первом городе с этим именем, находившимся недалеко от современно Белозерска, на правом берегу Шексны, рядом с деревней Киснема. Из Белоозера варяги проходили на Волгу и Каспий.

О масштабах походов варягов по Волге свидетельствует большое число арабских монет, найденных в Скандинавии. Всего найдено свыше 85 тысяч (!) арабских монет, датированных 800—1015 гг. Большую часть их нашли в Швеции, в особенности на острове Готланд.

Следы пребывания варягов часто находят на верхней Волге. Так, клад древних арабских монет (самая ранняя монета датирована 829 г.) был обнаружен в 1879 г. у Богоявленской горы близ Углича. А в ходе раскопок в 90-х годах XX века на территории угличского кремля было найдено захоронение X века с оружием, амулетами и другими предметами скандинавского происхождения.

У деревни Тимерево недалеко от Ярославля археологи обнаружили большое варяжское поселение площадью свыше пяти гектаров. Поселение это возникло в конце VIII века, а прекратило свое существование в самом начале XI века.

В многочисленных письменных источниках IX–XIII веков – византийских, арабских, скандинавских и западноевропейских – говорится исключительно об одном народе – руссах (русских). Ну а термины Малая и Великая Русь появились лишь в послемонгольский период, но они никоим образом не говорят о двух народах или даже двух народностях, а до XX века являлись чисто географическими терминами. Вспомним Малую и Великую Польшу, Малую и Великую Грецию. Там что, жили разные польские или греческие народы?

Была Русь Белая, была и Червонная. Так что, и «червоннорусский» народ существовал?

На каком же языке говорили на Руси в IX–XIII веках? Естественно, на украинском – отвечают нам самостийники. Правда, в вопросе, откуда взялся украинский язык, в кругах творческой интеллигенции единства нет. Как уже говорилось, одни считают, что это язык древнего племени укров, от которых и пошло название «украинец», другие утверждают, что это язык атлантов, третьи грешат на Венеру – не богиню, а планету, разумеется.

Ну ладно, на каком языке говорил Ной – вопрос спорный, пусть даже на украинской мове. Ну а русские люди в Киеве в IX–XIII веках были? Ведь остались же книги, берестяные грамоты, надписи на иконах, стенах храмов и другие «граффити». Увы, нигде нет намека на украинский язык. Все надписи сделаны на старославянском (древнерусском) языке.

До 1990 г. ни один серьезный ученый, в том числе и на Украине, не сомневался, что в Киеве, равно как и в Новгороде, говорили и писали на одном и том же языке. «Таким образом, на момент принятия христианства и широкого развития культуры язык восточных славян отличался фонетическим, грамматическим и лексическим единством на огромной территории его распространения... Следовательно, язык Киевской Руси

XI–XII ст. можно изучать по многочисленным письменным документам. Они в определенной степени отражали живой язык русского населения того времени»³. «Древнерусский язык далек от специфики современных украинских говоров, и нужно поэтому признать, что словарь последних во всем существенном, что отличает его от великорусских говоров, образовался в позднейшее время»⁴.

³ Русаковский В.М. Происхождение и развитие восточнославянских языков. Киев, 1980. С. 14–23.

⁴ Там же. С. 27.

А вот цитата другого украинского ученого: «В связи с формированием древнерусской народности, складывался и общий по своему происхождению, характеру живой язык этой народности, который на разных славянских землях имел местную окраску, диалектные отличия. Древнерусский литературный язык развивался на общенародной восточнославянской языковой основе»⁵.

«Существование церковно-славянского и древнерусского языков ни у кого сомнений не вызывает, так как сохранилось достаточно много древних текстов, написанных на этих языках. В то же время науке неизвестен ни один достоверно древний, подлинный документ на украинском языке. Украинские филологи вынуждены объяснять этот крайне неудобный для них факт тем, что в те времена будто бы считалось неприличным и разговаривать и писать на одном и том же языке, поэтому люди между собой разговаривали на украинском языке, а когда брали в руки перо, то те же самые мысли записывали на том или ином письменном языке – церковнославянском или древнерусском (видимо, в зависимости от настроения).

В таком случае возникает вполне законный вопрос: если украинский язык не зафиксирован ни в одном древнем документе, то как же украинские филологи догадались о его существовании?

Для доказательства того, что наши далекие предки – жители Киевской Руси разговаривали на украинском языке, была придумана весьма оригинальная теория, которую я назвал бы "Теорией описок и ошибок", или "Теорией рассеянных писарей". Ее смысл заключается в том, что будто бы древние писари, которые писали и переписывали книги и прочие тексты, абсолютно случайно, нечаянно, невольно, вследствие своей невнимательности и рассеянности иногда допускали описки и ошибки, и вместо тех слов, которые им диктовали, или которые были в переписываемых оригиналах, употребляли совсем иные, хотя и одинаковые по смыслу слова. Делали они так будто бы потому, что в повседневной жизни привыкли разговаривать на украинском языке и поэтому при рассеивании внимания случайно вписывали "украинизмы". Вот эти-то вкравшиеся "украинизмы", по твердому убеждению наших филологов, будто бы неопровержимо доказывают подспудное существование устного простонародного украинского языка. Вот такая очень убедительная теория!»⁶.

Вот, к примеру, профессор «гуманитарного» института с длинным названием Василь Яременко Яременко «утверждает, что в "Повести временных лет", созданной в XI – начале XII ст."...украинская лексика льется сплошным потоком" (с. 493). И в качестве примера приводит вот такие слова: жыто, сочэвиця, посаг, вабыты, пэчэра, вэжа, голубнык, стриха, рилля, мыто, пэрэкладаты, вино...

А теперь, в полном соответствии с изложенной здесь версией о формировании украинского языка в XV–XVII веках как следствия полонизации славянорусского языка, открываем польский словарь и читаем: *zyto* (рожь), *soczewica* (чечевица), *posag* (приданое), *wabić* (манить, привлекать), *pieczora* (пещера), *wieza* (башня), *gołębnik* (голубятня), *strych* (чердак), *gola* (пашня), *myto* (плата, пошлина), *przekładać* (переводить), *wiano* (приданое)... Неужели кому-нибудь все еще не ясно, откуда появились в нашем языке все эти "украинизмы"?»⁷.

Всеми русскими землями до середины XIV века безраздельно правила династия Рюриковичей. Обратим внимание, что у Рюриковичей до XV века преобладала горизонтальная система наследования власти, при которой престол переходил не от отца к старшему сыну, а от старшего брата к следующему по старшинству брату. Представим себе, что в Киеве правил старший брат Иван, в Смоленске – средний брат Петр, а в Вязьме – младший брат Федор. Умирает Иван, и его стол в Киеве занимает не старший сын Александр, а средний брат Петр.

⁵ Гуслистый К.Г. К вопросу о формировании украинской нации. Киев, 1967. С. 6.

⁶ Железный А.И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. Киев: Киевская Русь, 1999. С. 33–34.

⁷ Там же. С. 39.

На место Петра в Смоленск едет младший брат Федор, а на место Федора в Вязьму спешит старший сын покойного Ивана Александр.

Такая система наследования имела много преимущество по сравнению с вертикальной. Так, многие князья умирали в молодом возрасте, и сын-подросток, а то и младенец, не мог самостоятельно править княжеством. Естественно, что средний брат – опытный воин и политик – был лучшим правителем княжества.

Смена князей не всегда происходила в связи с их смертью. Довольно часто князей сгоняли со «столов» собратья-Рюриковичи или даже городское вече. Понятно, что такие эксцессы увеличивали «миграцию» князей.

Вот я наобум раскрываю 670-страничный «гроссбух» «Князь Рюрик и его потомки»⁸. Натыкаюсь на князя Ростислава Мстиславича (около 1110–1167).

«В 1125 г. он стал смоленским князем, с 1153 г. – князем новгородским, с 1154 г. Ростислав – великий князь в Киеве, откуда в 1155 г. он был выбит князем Изяславом Давидовичем и бежал в Смоленск. С 1157 г. Ростислав вновь княжил в Новгороде, с 1159 г. он опять на великом княжении в Киеве, в 1161 г. выбит из Киева и бежал в Белгород. В 1161 г. Ростислав в третий раз занял киевский престол и на сей раз пожизненно».

И пример сей не единичный. Хотите еще? Пожалуйста! Вот князь Владимир Святославович, сын Святослава Всеволодовича, был князем Новгородским, Черниговским, а затем Переяславским. В Переяславле он и помер в 1201 г.

Глеб Святославич – князь Новгородский, князь Тмутараканьский, умер в Чернигове в 1078 г.

Давид Святославич, сын Святослава Ярославича – князь Смоленский, князь Новгородский, князь Черниговский. Умер в Чернигове в 1123 г.

Мстислав Мстиславич Удалой – князь Новгородский, Галицкий, Торопецкий. Умер в Торжке в 1228 г.

Хвати? А то могу еще десятка четыре князей подыскать!

Надо ли говорить, что князья Рюриковичи не были похожи на чиновную номенклатуру XXI века, которую кремлевский хозяин постоянно тасует по регионам и которая очень часто даже не берет с собой семей, отправляясь из Нижнего Новгорода, скажем, в Хабаровск. Князья переходили на новый стол обязательно с дружиной и административным аппаратом (боярами, тиунами и т. д.), а те в свою очередь тоже брали семьи, слуг и др.

Таким образом, по территории Руси (то есть по территориям современных Российской Федерации, Белоруссии, Украины и Прибалтики) в X–XIV веках почти ежегодно перемещались из одного города в другой тысячи людей. Такая ротация автоматически способствовала развитию языкового, культурного и, как ни странно, политического единства Руси. Пусть один князь Рюрикович уходил, но на его место приходил его близкий или дальний родственник. Так эти князья русские, украинские или белорусские?

А вот Михайло Грушевский, которого сейчас в Киеве чтят непогрешимым патриархом от истории, повсеместно вещал об «украинских князьях» в домонгольском периоде!

В 1149 г. князь Юрий Долгорукий, сын Владимира Мономаха, без боя захватил Киев. Так, по мнению «незалежных» историков началась колониальная экспансия москалей на «вильну Украину».

До этого вроде имели место разборки «древнеукраинских» князей, как их назвал профессор Михайло Грушевский. Но Юрий Долгорукий уже был москалем, благо, еще в 1147 г. он будто бы основал Москву, а, скорей всего, устроил в давно существовавшем городке грандиозную пьянку.

⁸ Князь Рюрик и его потомки: Историко-генеалогический свод / В.М. Коган; В.И. Домбровский-Шалагин. СПб.: Паритет, 2004.

После смерти Юрия Долгорукого его сын Андрей Боголюбский оставил Киев и избрал своей резиденцией вновь построенный замок Боголюбово вблизи Владимира-на-Клязьме. А за киевский стол началась опять страшная драка. Князья менялись через каждые несколько месяцев.

Зимой 1168/69 г. князь Андрей Боголюбский отправил к Киеву рать во главе со своим сыном Мстиславом.

По сему поводу популярный украинский историк Олесь Бузина писал: "Історії для дітей шкільного віку" есть очаровательная картинка "Москалі руйнують Київ". На ней бородастые гоблины в островерхих шлемах живописно режут, хватают за патлы и насилюют несчастных киевлян. Сердце кровью обливается.

Но, почитав текст под картинкой, начинаешь искренне хохотать – оказывается, что "руйнують" они в 1169 году, когда никаких "москалей" еще в природе не существовало, а сама Москва едва прописалась на страницах истории. Ее и упоминают-то впервые в летописи всего двадцатью двумя годами ранее как крошечный городишко суздальского князя Юрия Долгорукого. По значению это было что-то вроде нынешнего райцентра. Поэтому писать, что в 1169 году "москалі руйнують Київ" – то же самое, что предположить, что для столицы нынешней Украины представляет опасность банда свинокрадов из Кобеляк»⁹.

Думаю, что уже и так ясно, что профессиональные дружины князей в домонгольский период состояли из уроженцев всех регионов Руси, также как солдаты Советской армии, и они вместе шли в бой, дрались и умирали как в борьбе с врагом внешним – немцами, поляками, византийцами, половцами и др., так и в многочисленных княжеских усобицах. Князья Рюриковичи были русскими, их дружины – русскими и подданные в их княжества – тоже русскими.

Нечто подобное было и в первые 50–80 лет после монгольского нашествия.

Упадок Киева связан с резким уменьшением товарооборота на Днепровском участке «Пути из варяг в греки». С одной стороны, участились нападения половцев на купеческие караваны на Днепре. Но куда большим ударом для русских для торговли на Черном море стало падение Константинополя в 1204 г.

Нетрудно догадаться, что в 1204 г. подвергся полному разрушению и русский торговый квартал Св. Маммы. Главное же то, что в захвате Второго Рима решающую роль сыграла Венецианская республика. Венецианцы захватили огромную добычу в Византии и стали владеть рядом стратегически важных островов и крепостей, включая Дарданеллы. К этому времени уже три века венецианцы вели беспощадную войну на Средиземном море со своими конкурентами – арабами и генуэзцами. Надо ли говорить, что, проникнув в Черное море, венецианцы беспощадно топили или захватывали византийские и русские суда.

После падения Константинополя резко возросло значение Волжского торгового пути и, соответственно, Владимира, Твери, Нижнего Новгорода и других городов, лежавших на этом пути.

Батый в 1237–1240 гг. разрушил десятки русских городов. Однако множество русских городов татары обошли, а многие города, попросту заплатив дань, были пощажены захватчиками.

Зато торговля на Волге и Дону с 1242 по 1360 г. процветала. Золотоордынские ханы не только не притесняли русских купцов, но и всячески им покровительствовали.

Во второй половине XIII века из Киева и Приднепровья наблюдается миграция населения на север и северо-восток. Уходили не только селяне, но и церковные иерархи, дворяне и бояре со своими дружинами.

⁹ Бузина О. Тайная история Украины-Руси. Киев: Довіра, 2007.

Во время Батыева нашествия митрополитом на Руси был Иосиф, но после 1240 г. он совершенно исчезает из летописей, что дает историкам возможность предположить что либо он был убит татарами, либо бежал в неизвестном направлении.

Через несколько месяцев после исчезновения Иосифа князь Даниил Галицкий назначает митрополитом «некого Кирилла»¹⁰. Семь лет он остается «нареченным митрополитом». Лишь в 1247 г. Кирилл отправляется в Константинополь, где официально посвящается патриархом в митрополиты. Немного пожив в Киеве, Кирилл в 1250 г. отправляется во Владимир, где становится верным прислужником Александра Невского. Данные о поездках Кирилла в Орду отсутствуют, но он завязал хорошие отношения с ханами. При Кирилле православные попы начинают постоянно поминать в своих молитвах ордынских «царей». В свою очередь, за моральную поддержку и идею непротивления «батогу божьему» ханы позволяют Кириллу основать в 1261 г. в Сарае епархию. Первый епископом сарайским Кирилл назначил Митрофана.

В 1280 г. Кирилл скончался в Переяславле Залесском, но ради соблюдения приличий, как-никак, он был митрополитом киевским, его тело перевезли в Киев и погребли в соборе Святой Софии.

Преемника Кириллу, по всей вероятности, нашел сам константинопольский патриарх. В 1283 г. в Киев из Константинополя прибыл новый митрополит Максим, грек по национальности. Через несколько недель Максим покидает митрополию и едет в... Орду для утверждения золотоордынским ханом. Туда-Менгу выдает ему ярлык, и вот Максим снова в Киеве.

В 1284 г. он собирает там всех русских епископов, а в следующем, 1285 году совершает инспекционную поездку на север – он приглядывается. И вот в 1299 г. Максим переселяется из Киева во Владимир. «Пришел с клиросом и совсем житьем своим, по выражению летописца; последний приводит и причину переселения: митрополит не хотел терпеть насилия от татар в Киеве; но трудно предположить, чтобы насилия татарские в это время именно усилились против прежнего»¹¹.

Примером миграции боярства Малой Руси может служить отъезд в 1300 г. из Киева в Москву боярина Родиона, сына Галицкого боярина Нестора Рябца. Родион отправился на службу к князю Даниилу Александровичу не один, а с сыном Иваном Квашней и «1700 отроками».

Сразу оговорюсь: дату «1300 год» я поставил, поскольку она фигурирует во всех источниках, где упоминается боярин Родион. Однако эта дата никак не вяжется с последующими событиями.

Во-первых, сын Иван Квашня участвовал в Куликовской битве в 1380 г. и умер в 1390 г. Риторический вопрос, мог ли 90—100-летний старец участвовать в битве?

Ну а во-вторых, по приезде в Москву Родион вступил в местнический конфликт с боярином Акинфом, который ранее был боярином городецкого князя Андрея Александровича, а после смерти последнего вместе с другими боярами перебрался в Москву. Ну а Андрей Городецкий умер 27 июня 1304 г. в Городце. После его смерти единственным законным претендентом на Великое княжество Владимирское остался Михаил Тверской.

Примечателен факт, что большинство великокняжеских бояр, как было сказано в летописи, сразу после смерти Андрея Городецкого отправились в Тверь. Вряд ли это были бояре из Городца, это были представители наиболее знатных фамилий, которые служили великому князю владимирскому независимо от того, каким княжеством он владел до занятия владимирского престола. Итак, на Руси все знали, кому быть великим князем.

¹⁰ Здесь и до конца абзаца в кавычках взяты выражения М.С. Грушевского (Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891).

¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959–1961. Книга II. С. 564.

Однако московский князь Юрий Даниилович (сам Даниил умер 4 марта 1303 г.) надеется захватить Владимирский престол. Приход Акинфа стал подарком московскому князю. Юрий делает его тысяцким и любимым боярином.

Но вот приезжает Родион, а Акинфа отодвигают на второй план. В результате Акинф отъезжает к великому князю владимирскому Михаилу в Тверь.

Естественно, что Михаил решил восстановить справедливость. К Переяславлю, незаконно захваченному московским князем Даниилом в конце 1302 г., было послано тверское войско под начальством боярина Акинфа. Город был осажден тверичами. Руководил защитой младший брат московского князя Иван, которому тогда было 21–23 года. После трех дней осады Иван пошел на вылазку и был разбит. Но в решающий момент с тыла на тверичей ударило свежее войско, которое привел из Москвы боярин Родион Несторович. Родион собственноручно убил Акинфа, насадил его голову на копье и поднес князю Ивану со словами: «Вот, господин, твоего изменника, а моего местника голова!» На что Иван ответил: «Яко толико ты дерзновение и подвиг по мне показал, яко нихто от моих воин».

С учетом вышесказанного оранжевые историки всерьез могут объявить, что конфликт Москвы и Твери был решен именно «украинским» полководцем Родионом и его «украинской дружиной».

Сын Родиона Иван Квашня, прозванный так за рыхлость тела, был после 1376 г.¹² назначен московским князем Дмитрием костромским воеводой, а в 1380 г. участвовал в Куликовской битве.

Третий сын Квашни, Василий Иванович Квашнин, за большой рост и вес был прозван Тушей. Соответственно, его потомки стали боярами и дворянами Тушиными. А подмосковное село Коробово стало Тушиным. Кроме Тушиных потомками Родиона Несторовича себя считали дворяне Квашинины и Самарины.

Помимо Родиона на службу в Москву, Тверь и Рязань с конца XIII века по конец XIV века отъехали многие десятки безудельных князей и бояр Малой Руси.

¹² После смерти костромского князя Василия Ярославича Квашни княжество было захвачено московским князем Дмитрием Ивановичем.

Глава 2

Явление русской Литвы

В XIV – начале XV века Малая и Белая Русь, а также изрядная часть Великой Руси – Торопецкое, Смоленское, Брянское и Верхоховенские (в верховьях реки Оки) княжества оказались в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ).

Часть русских городов была покорена литовцами силой, а большая часть сама призвала литовских князей. Почему?

Ряд украинских и прибалтийских историков утверждают, что русские княжества добровольно переходили под власть великого князя литовского, чтобы избавиться от дани Орде. Увы, это не соответствует истине. Все земли, перешедшие от Рюриковичей к Гедиминовичам, продолжали платить дань Орде, по крайней мере, до конца XIV века. Причем великий князь литовский платил дань не за все свои земли, а только за русские княжества. Так, даже Михаил Грушевский признает, что в грамотах польских князей (Криатовичей и Свидригайла) начиная с 1375 г. имеется упоминание о дани, которую платили татарам – «дань у Татары», *Tributa Tartarorum*.

Грушевский цитирует ярлык хана Менгли Гирея, выданные великому князю литовскому Витовту: «Они (Тохтамыш) видели там большую ласку и честь и за это одарили великого князя Витовта прежде всего Киевом, а также и другими многочисленными землями. Потом великий князь литовский Казимир с литовскими князьями и знатью просил нас, и мы подтвердили ему то (пропуск), что дали великий царь дед наш и отец наш, а это: Киевскую "тьму" (землю) со всеми уходами, данями, землями и водами», и далее «со всеми уходами и данями, землями и водами тьмы Владимирскую (Волынскую) Большого Луцка, Каменецкую, Брацлавскую, Сокальскую, Черниговскую, Курскую, тьму Сараевого сына Егалтая (Яголда Сараевича), города Звенигород (современная Звенигородка в Черкасской области), Черкассы, Хачибеев (современная Одесса), Маяк (современное с. Маяки в устье Днепра), земли (на левом берегу Днепра) начиная с Киева по Днепру до устья: Сгепород и Глинск со всеми их людьми, Жолвяж, Тупивль, Бирин, Синеч, Хотен, Лосичи, Хотмышль, Рыльск, Мужеч, Оскол, Стародуб, Брянск, Мценск, Любутеск, Тулу, Берестье и Ратно, Козельск, Пронск, Волконос, Испас, Донец, Ябу-городок и Балаклы (нынче – городища на Южном Буге), Карасун, Дашов (современный Очаков), городище Тушин, Немир, Мушач, Ходоров»¹³.

То же самое касалось и польских королей. Так, после захвата в 1352 г. Галиции король Казимир III обязался платить дань татарам в полном объеме за ту часть русской земли, которую он захватил, то есть за Галицию. Об этом узнали прусские рыцари и тут же донесли папе Иннокентию VI. Тот в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у схизматиков земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю».

Так что идея спасения от татарской дани, а тем более от набегов более чем несостоятельна.

А вот реальной причиной призыва литовских князей является отказ владими́ро-суздальских князей от Малой Руси.

В 1243 г. хан Батый дал ярлык на Киевское княжество великому князю владимирскому Ярославу Всеволодовичу. Но тот в Киев не поехал, а якобы поставил там своего наместника – тысяцкого Дмитра Ейновича. Почему я пишу «якобы»? Ну, во-первых, личность этого Дмитра не ясна. Возможно, это был тот самый воевода, оборонявший Киев. Позже он сопровождал

¹³ Грушевский М.С. История Украины-Руси. Киев: Наукова думка, 1993. Т. 4. С. 86–87.

армию Бату-хана в походе в Центральную Европу. Во-вторых, нет никаких конкретных документов об управлении владимирским князем Киевом.

После смерти князя Ярослава Всеволодовича в далеком Каракоруме состоялась раздача ярлыков. Младший сын Ярослава Андрей получил ярлык на Владимир, а старший Александр – на Киев. Предположительно и Невский до 1263 г. поставил в Киеве своего наместника. Затем до 1271 г. ярлык на Киев имел его младший брат Ярослав Ярославич, который традиционно не появлялся в Киеве. Забегая вперед, скажу, что и позже татарские ханы выдавали ярлыки на Киев великим князьям владимирским. Так, владельцем такого ярлыка был даже Иван Калита.

Ряд историков считают, что сразу после Батыевой рати Киев, также как и Канев, и другие города, управлялся вечем и какими-то самозванными персонажами – не Рюриковичами, а атаманами. Так, Плано Карпини пишет, что в Каневе управлял какой-то Михай. А в своей грамоте рязанский князь Олег Ингорович упоминает о «владельце Черниговском Иване Шапке» (около 1250 г.).

«То, что Киев в этот период являлся автономной самоуправляющейся городской общиной, косвенно подтверждается также рядом фактов из истории церкви. Так, в описании общерусского церковного собора 1273 г., проходившего в Киеве, князь не упоминается, хотя он должен был обязательно находиться на столь знаменательном собрании, принявшем правки к "Кормчей книге", по которой еще долго строилось управление церковными организациями всей Руси. Не упоминается он и на похоронах видного церковного деятеля того времени, митрополита Кирилла, погребенного в 1282 г. в Софии, хотя летописец и отмечает, что "тамо (в Софийском соборе) паки певшее на немъ и служившее вси епископи Руссии со всем священнымъ съборомъ"»¹⁴.

В то страшное время жить без мудрого князя и его сильной дружины русским городам было неподручно. Вот они и обращались за защитой к храбрым Гедиминовичам.

Кстати, подобное происходило не только на территории Малой и Белой Руси. Так, например, удельный литовский князь Довмонт (Домантас) в 1265 г. поссорился с литовским князем Воишелком и предложил свои услуги псковичам. Вместе с ним в Псков прибыли 300 литовских дружинников.

В данном случае это были в основном этнические литовцы-язычники, да и сам Довмонт был таковым.

Сразу по прибытии в Псков Довмонт принял крещение в соборной церкви Святой Троицы и получил православное имя Тимофей. Псковские мужи почесали в затылках, да и выбрали Довмонта-Тимофея князем. Замечу, что статус князя в Пскове был аналогичен статусу князя в Новгороде. Так, князь не мог жить в кремле, и тот же Довмонт построил себе и дружине Довмонтово городище.

В 1266 г. Довмонт с небольшой ратью, всего 360 всадников, совершил поход против литовского князя Герденя, правившего в Полоцке. Сам Гердень отсутствовал, но его княжество подверглось разгрому, Полоцк взят, а княгиня и дети пленены. Кстати, жена Герденя оказалась родной теткой Довмонта. После набега Довмонт двинулся домой. Далее я процитирую сказание о Довмонте: «Перейдя вброд через Двину, отошел на пять верст и поставил шатры в бору чистом, а на реке Двине оставил двух стражей – Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою Литовником. Два же девяносто воинов он отправил с добычей, а с одним девяносто остался, ожидая погони.

В то время Гридень и князья его были в отъезде, когда же приехали они домой, то увидели, что дома их и земли разорены. Ополчились тогда Гридень, и Гойторт, и Люмби, и Югайло, и другие князья, с семью сотнями воинов погнались вслед за Довмонтом, желая схватить его и любой смерти предать, а мужей-псковичей мечами посечь; и, перейдя вброд реку

¹⁴ Климковский С.И. Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории. Киев: Стилов, 2005. С. 58.

Двину, встали они на берегу. Стражи, увидев войско великое, прискакали и сообщили Довмонту, что рать литовская перешла Двину. Довмонт же сказал Давыду и Луве: "Помоги вам бог и святая Троица за то, что устерегли войско великое, ступайте отсюда". И ответили Давыд и Лува: "Не уйдем отсюда, хотим умереть со славой и кровь свою пролить с мужами-псковичами за святую Троицу и за все церкви святые. А ты, господин и князь, выступай быстрее с мужами-псковичами против поганных литовцев". Довмонт же сказал псковичам: «Братья мужи-псковичи! Кто стар – тот отец мне, кто млад – тот брат. Слышал я о мужестве вашем во всех странах, сейчас же, братья, нам предстоит жизнь или смерть. Братья мужи-псковичи, постоим за святую Троицу и за святые церкви, за свое отечество!

Довмонт принес в церковь свой меч и положил на престол, он молился со слезами, принимал благословение духовного отца своего и его рукой надевал свой меч. По утверждению уроженцев города Пскова, это был тот самый меч с надписью: "Honorum meum nebus davo", то есть "Чести моей никому не отдам", который впоследствии лежал на гробнице князя Довмонта и своей величиной и тяжестью свидетельствовал о росте и силе святого князя.

Выехал князь Довмонт с мужами-псковичами и божиею силою и помощью святого Христова мученика Леонтия с одним девяносто семьсот врагов побил. В этой битве был убит великий литовский князь Гойторт, и иных князей многих убили, многие литовцы в Двине утонули, а семьдесят из них выбросила река на остров Гоидов, а иные на другие острова были выброшены, некоторые же вниз по Двине поплыли. Из псковичей же тогда был убит один Антон, Лочков сын, брат Смолигов, а другие остались невредимыми»¹⁵.

Видимо, в сказании есть преувеличения, особенно в числе воинов Герденя. Но, судя по всему, Довмонт внезапно атаковал переправлявшегося вброд противника. У литовцев началась паника, и они потеряли место брода.

Узнав о том, что псковичи самовольно взяли князя литовца, великий князь владимирский Ярослав Ярославич (младший брат Невского) решил было пойти войной на Псков. Но «мужи новгородские» популярно пояснили ему, что за персонаж Довмонт и чем сей поход может обернуться. Поэтому дело кончилось как в хорошей сказке – свадьбой. Довмонт с подачи великого князя владимирского женился на княжне Марии Дмитриевне, внучке Александра Невского.

В 1268 г. новгородцы и псковичи решили проучить нахальных датчан, которые еще 30–40 лет назад (в 1219–1230 гг.) захватили северную часть Эстляндии и, разрушив русский город Колывань, построили свой город Ревель. Чухонцы так и называли его Таллинн, что в переводе означает «датский город».

В походе псковскую рать, естественно, вел Довмонт, а новгородские и низовые полки – князь Юрий Андреевич¹⁶. Кроме того, в походе участвовали сыновья великого князя владимирского Ярослава Ярославича Святослав и Михаил, а также его племянник Дмитрий Александрович.

Объединенное войско двинулось на город-крепость Раковор¹⁷, находившийся на севере Эстляндии, посередине между Нарвой и Ревелем. В одном месте русские нашли огромную пещеру с маленьким входом, где спрятались несколько сот чухонцев (чуди). Три дня полки стояли и не могли добраться до чуди, пока один новгородский мастер по имени Тобал, состоявший при осадных машинах, не провел канал ко входу в пещеру и не затопил ее водой. Вся чужь была перебита.

¹⁵ Воинские повести древней Руси / Составитель Н.В. Понырков. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 141–142.

¹⁶ Князь Юрий Андреевич, сын Андрея Ярославича, племянник Александра Невского, был в то время служилым новгородским князем.

¹⁷ Раковор – по-немецки Везенберг, по-чухонски Раквере.

Стремясь заманить православное воинство в ловушку, немецкие епископы и рыцари поклялись на кресте не участвовать в войне на стороне датчан. Псковская летопись так говорит об этом: «Прислаша немцы послы свои с лестью глаголюще: "Мы с вами мирны, перемогайтесь с колыванцы и с раковорци, а мы им не помогаем и в том крест целуем". И на том крест целоваше пискупы и Божии дворяне».

Но когда русские 18 февраля 1268 г. подошли к Раковору, то с изумлением увидели, что их ждали нарушившие клятву тевтонские рыцари и их союзники. Немецкие рыцари пошли в атаку «железной свиньей». «Рыло свиньи» уперлось в новгородскую рать. Новгородцы понесли страшные потери, были убиты посадник Михаил, тысяцкий Кондрат, новгородские бояре Твердислав Чермный, Никифор Радятинин, Твердислав Мосеевич и др. У немцев погиб епископ Александр и много рыцарей.

Однако на правом фланге псковичи, ведомые Довмонтом, разогнали противостоящих им немцев, датчан и чудь и нанесли удар по «свинье» с фланга. Немцы бежали, и русские гнали их 7 верст.

Но перед самыми сумерками какой-то свежий отряд немцев атаковал новгородский обоз. Русские князья хотели их контратаковать, но не решились вести ночной бой, чтобы не перебить своих. А наутро немцев уже и след простыл.

Однако двигаться в погоню большое русское войско не решилось из-за огромных потерь. Три дня войско стояли «на костях», а на четвертый повернули обратно. Лишь Довмонт с псковичами пошел гулять по Эстляндии. Часть немцев и чудь отступали водным путем по Чудскому и Псковскому озерам и реке Великой. За ними с малой дружиной на пяти насадах¹⁸ и гонялся Довмонт, «божьей силою восемьсот немцев победил на реке Мироповне, а два их насада скрылись на островах. Боголюбивый князь Довмонт, подъехав, зажег остров и пожег их в траве, — одни побежали, и волосы их горели, а других Довмонт посекал, а третьи потонули в воде помощью святой Троицы, и славного великого воина Георгия»¹⁹.

Летом 1272 г. войско Тевтонского ордена во главе с магистром захватило Изборск и осадило Псков. Ливонская рифмованная хроника сообщает, что в походе участвовало 180 братьев-рыцарей, 18 тысяч ополченцев и 9 тысяч корабельщиков.

Как гласит «Сказание о Довмонте»: «Услышав о том, что ополчилось на него множество сильных врагов без ума и без бога, Довмонт вошел в церковь святой Троицы и, положив меч свой перед алтарем господним, пал на колени, молясь со слезами, говоря так: "Господи боже сил, мы, люди твои и овцы пажити своей, имя твое призываем, смилуйся над кроткими, и смиренных возвысь, и надменные мысли гордых смири, да не опустеет пажить овец твоих". И взял игумен Сидор и все священники меч и, препоясав Довмонта мечом и благословив его, отпустили. Довмонт в ярости мужества своего, не дождавшись полков новгородских, с малою дружиною мужей-псковичей выехав, божьей силою победил и побил полки врагов, самого же магистра ранил в лицо. Те же, положив трупы убитых во многие учаны, повезли их в землю свою, а оставшиеся в живых обратились в бегство»²⁰.

В июне 1272 г. между Псковом и Орденом был заключен мирный договор, но Довмонту, по свидетельству летописи, вскоре пришлось отражать новые набеги крестоносцев: «И паки поганая латина начала силу деяти на псковичах нападением». В Житии святого Довмонта говорится: «Вскоре же вновь язычники-латине стали нападать на села, насилием, принуждением и всякими злыми делами пытаясь, словно звери дикие, разогнать и ввергнуть в горе овец Божиих, искуПЛенных драгоценной Его Кровью. Они же, потерпев такое от язычников, к городу Пскову приходят и о нападении злых змей с плачем возвещают. Христолюбивый же князь Тимофей,

¹⁸ Насад – небольшое гребное судно с одной мачтой и прямым парусом.

¹⁹ Воинские повести древней Руси. С. 143.

²⁰ Там же. С. 143–144.

это услышав, не потерпел обиды от язычников, но стремительно собрался против них, взял войско свое и вышел на язычников с яростию величайшей».

Довмонт стал единственным литовским князем, вошедшим в пантеон православных святых, но факт его приглашения на княжение псковичами был не экстраординарным, а типичным явлением в Северной и Северо-Восточной Руси.

Так, в начале 20-х годов XIV века в Пскове княжил литовец Давид. Особо хорошего или плохого он городу не сделал, и Псковская летопись упоминает о его княжении вскользь, без комментариев.

А сколько литовских князей служили Господину Великому Новгороду? В историю московский князь Иван Калита вошел как «собиратель земель русских». Ну а все окрестные регионы знали его как рэкетира, бравшего не по чину. Так, в начале 30-х годов XIV века потребовал он у Господина Великого Новгорода непомерную сумму. Ну, как тут обойтись без литовского князя?

Запись за 1333 год из Новгородской летописи: «Сем же лете вьложи Бог в сердце князю Литовьскому Наримонту, нареченному в крещении Глебу, сыну великого князя Литовьскаго Гедимины, и присла в Новьгород, хотя поклонитися святеи Софеи; и послаша новгородци по него Григорью и Олександра, и позваша его к собе; и прииха в Новьгород, хотя поклонитися, месяца октября; и прияша его с честью, и целова крест к Велиокму Новуграду за один человек; и Даша ему Ладогу, и Ореховый, и Корельский, и Корельскую землю, и половину Копорья в отчину и в дедину, и его детем»²¹.

И вот уже в следующем году Калита утихомирился и заключил мир с Господином Великим Новгородом. Любопытно, что позже Наримант женился на дочери Ивана Калиты.

Сын Нариманта, православный князь Патрикий Наримантович дважды, в 1383 г. и 1386 г., становился новгородским князем. В 1383 г. он защищал Господин Великий Новгород от Дмитрия Донского. А в 1386 г. он командовал новгородским войском, вышедшим против нового рэкетира – великого князя московского Василия I.

В 1387 г. Патрикий умер, и новгородцы пригласили к себе нового князя – сына великого князя литовского Ольгерда и тверской княжны Ульяны Александровны – Лугвеня, православное имя которого было Симеон.

В 1390 г. «ходиша новгородцы со князем Семеном Олгердовичем на Псков ратью». В 1392 г. «приходиша Немцы разбоем в Новгородския власти, и внидоша в Несу и взяша власти и села по обе стороны реки за три версты от городка Орешка. И князь Семен, сорався з городчяны, погна вслед их, иных изби, а иных приведе во град, а инии утекоша. И поиде князь Семен в Литву, а град остави».

Почему уехал Семен-Лугвень – не ясно. Но позже Республика взяла на службу сразу двух князей: русского Константина Ивановича Белозерского и литовского Романа Федоровича, внука Ольгерда²².

В 1432 г. новгородцы пригласили княжить сына Лугвеня Юрия Симеоновича (Лугвеньевича).

Позже служилыми князьями в Господине Великом Новгороде были Александр Васильевич Чарторыйский (1447–1455) и Михаил Олелькович Киевский (1471).

Разумеется, все эти князья прибывали в Господин Великий Новгород не одни, а с дружинами. И если Довмонтова дружина состояла из этнических литовцев, то дружины последующих православных литовских князей были чисто русскими. При этом процент малороссов

²¹ Цит. по: Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Издательство Московского университета, 1998. С. 90.

²² В 1404 г. Роман Федорович получил во владение город Кобрин и стал родоначальником князей Кобринских.

по сравнению с выходцами из Белой Руси постепенно увеличивался, и войско Михаила Олельковича состояло в основном из малороссов.

Вообще говоря, Великое княжество Литовское было фактически русским государством. Свыше 90 % его жителей составляли православные русские люди. Князья и бояре все были православными и имели наряду с литовскими и православные имена. Другой вопрос, что многие из них были двоеверцами, то есть православными и язычниками одновременно, в зависимости от ситуации. Ну а иной раз и троeverцами. Так, великий князь литовский Ягайло, крещенный в православную веру под именем Яков, 18 февраля 1386 г. в третий раз сменил веру и стал католиком Владиславом. Вместе с Ягайло (Владиславом) отреклись от православия и приняли католицизм его братья: Скиргайло (Иоанн) стал Казимиром, Коригойло (Константин) тоже стал Казимиром, Свидригайло (Лев) стал Болеславом, Минигайло (Василий) – Александром. Католическую веру принял и Витовт (Александр), двоюродный брат Ягайло. Кстати, Витовт крестился пять (!) раз, то по православному обряду, то по католическому. Ну а в перерывах князь возвращался к отеческим богам.

Все литовские князья отлично говорили по-русски, тем более что около половины их были женаты на дочерях князей Рюриковичей.

Этнические литовцы до XVII века не имели собственной письменности, и вся деловая переписка внутри страны велась на русском языке кириллицей, и лишь часть внешней переписки – на латинском языке.

По сему поводу историки XIX века шутили в Малой и Белой Руси: «Победила не Литва, а ее название».

Несколько литовских князей участвовали со своими дружинами в битве на Куликовом поле на стороне Дмитрия Донского. Естественно, что вместе с ними дрались и их дружины, в которых преобладали малороссы и практически отсутствовали этнические литовцы.

Современные украинские историки²³ утверждают, что выходец с Волыни «Дмитрий Боброк-Волынский сыграл важнейшую роль в разгроме Мамая». И в этом, замечу, они недалеки от истины. Поэтому о Дмитрие Михайловиче стоит рассказать отдельно.

Начну с того, что точных сведений о его происхождении нет. Доподлинно известно только, что он родился на Волыни. В 1365 г. Дмитрий Михайлович в Успенском соборе Владимира-Волынского венчался с Анной, сестрой своего тезки великого князя московского. Через два года Дмитрий Михайлович переезжает в Москву. В 1371 г. он разбил войска рязанского князя Олега при Скорнищеве, чем вынудил его временно оставить престол. В 1376 г. участвовал в успешном походе на Волжскую Булгарию вместе с князем Дмитрием Константиновичем.

По данным татарского профессора Зуфара Мифтахова, Дмитрий Михайлович получил прозвище Боброк (Бобрик) именно в этом походе. После размена пленных жена освобожденного знатного татарина Гусмана подарила Дмитрию Михайловичу красивую бобровую шубу. По другой версии, прозвище связано с рекой Боброк, протекающей недалеко от Галича.

В 1379 г. воевода Боброк вместе с князьями Владимиром Андреевичем и Андреем Ольгердовичем воевал с Великим княжеством Литовским. Были взяты города Трубчевск и Стародуб.

Замечу, что кроме Боброк-Волынского в Куликовской битве участвовали два сына великого князя литовского Ольгерда – князь трубчевский Андрей и князь северский Дмитрий, причем не одни, а привели с собой «кованую рать».

В «Задонщине» о деяниях братьев говорится:

«Те ведь – сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

²³ В т. ч. *Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л.* Русь-Украина. Становление государственности. Киев: Ваклер, 2011. Т. I. С. 216.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: "Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удалцов, и сами сядем на своих борзых коней и погладим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!"

И сказал ему Дмитрий: "Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удалцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы – раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам, – сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников"». Ну, «Задонщина» – это всего лишь красивая сказка, и у обоих братьев было от силы 7 тысяч дружинников. Но тем не менее...

Замечу, что белорусские историки считают братьев Ольгердовичей и их дружины белорусами, а украинские историки, соответственно, украинцами. На мой взгляд, большинство дружинников братьев были уроженцами земель, в настоящее время входящих в состав Республики Украина. Другой вопрос, что в 1380 г. в Москве их считали литовцами, а в Вильно – русскими.

Братья Ольгердовичи со своими дружинами были в составе Передового полка. Любопытно, что уже упомянутый З.З. Мифтахов именует Андрея Астеем (Остеем).

Ну а позади Большого полка располагался Запасной полк. В его составе находилось 15 тысяч воинов под началом князей Федора и Мстислава Таруских и Андрея Константиновича Оболенского. Это был Черниговский полк.

И грянул бой... Историк В. Шавырин справедливо заметил: «Книгами, посвященными Куликовской битве, можно выложить все поле, на котором она произошла»²⁴. Однако «почти все написанное восходит к трем первоисточникам: краткой Летописной повести, поэтической "Задонщине" и риторическому "Сказанию о Мамаевом побоище"»²⁵.

Мифтахов вторит ему: «События на Куликовом поле и вокруг него обросли и продолжают обрастать продуктами мифотворчества и сакрального мировоззрения, подобно тому, как днища океанских кораблей обрастают кораллами»²⁶.

По версии нашего канонического историка С.М. Соловьева, «8 сентября, на солнечном восходе был густой туман, и когда в третьем часу просветлело, то русские полки строились уже за Доном, при устье Непрядвы. Часу в двенадцатом начали показываться татары; они спускались с холма на широкое поле Куликово; русские также сошли с холма, и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорят, что кровь лилась, как вода, на пространстве десяти верст, лошади не могли ступить по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но в засаде в лесу стояли еще свежие русские полки под начальством князя Владимира Андреевича и известного уже нам воеводы московского, Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка. Владимир, видя поражение русских, начал говорить Волынскому: "Долго ль нам здесь стоять, какая от нас польза? Смотри, уже все христианские полки мертвы лежат". Но Волынский отвечал, что еще нельзя выходить из засады, потому что ветер дует прямо в лицо русским. Но через несколько времени ветер переменился: "Теперь пора!" – сказал Волынский, и засадное ополчение бросилось на татар. Это появление свежих

²⁴ Шавырин В. Неделемое поле // Родина, 1997, № 3–4. С. 94.

²⁵ Там же.

²⁶ Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань: Казанский государственный педагогический университет, 2002. С. 258.

сил на стороне русских решило участь битвы: Мамай, стоявший на холме с пятью знатнейшими князьями и смотревший оттуда на сражение, увидел, что победа склонилась на сторону русских, и обратился в бегство; русские гнали татар до реки Мечи и овладели всем их станом.

Возвратившись с погони, князь Владимир Андреевич стал на костях и велел трубить в трубы: все оставшиеся в живых ратники собрались на эти звуки, но не было великого князя Дмитрия; Владимир стал расспрашивать: не видал ли кто его? Одни говорили, что видели его жестоко раненного, и потому должно искать его между трупами; другие, что видели, как он отбивался от четырех татар и бежал, но не знают, что после с ним случилось; один объявил, что видел, как великий князь, раненный, пешком возвращался с боя. Владимир Андреевич стал со слезами упрашивать, чтоб все искали великого князя, обещал богатые награды тому, кто найдет. Войско рассеялось по полю: нашли труп любимца Димитриева Михаила Андреевича Бренка, которого перед началом битвы великий князь поставил под свое черное знамя, велел надеть свои латы и шлем; остановились над трупом одного из князей белозерских, похожего на Дмитрия, наконец, двое ратников, уклонившись в сторону, нашли великого князя, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева. Получивши весть, что Димитрий найден, Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе; Димитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем: панцирь его был весь избит, но на теле не было ни одной смертельной раны»²⁷.

Увы, на самом деле сейчас никто не знает, где конкретно произошла знаменитая Куликовская битва. Согласно «Полному географическому описанию нашего Отечества», изданному в 1902 г. под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского, «Движение лесной стихии в степь происходило в нашей области от трех, так сказать, основных лесных масс: Брынской, Мещорской и Мордовской»²⁸.

Куликово поле представляло собой степную «поляну», протянувшуюся на 100 км по всему югу нынешней Тульской области с запада на восток (от верховья реки Снежедь до Дона) и на 20–25 км с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши).

Любитель-турист спросит, а как же быть с памятником русским воинам, стоящим на Куликовом поле? Все очень просто.

Жил-был в начале XIX века дворянин С.Д. Нечаев – директор училищ Тульской губернии, тульский помещик, масон, декабрист, член «Союза благоденствия», близкий знакомый К.Ф. Рыльева и А.А. Бестужева. Как и все декабристы, он проявлял большой интерес к борьбе русского народа против Орды.

В июне 1820 г. тульский губернатор В.Ф. Васильев поставил вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия в 1380 году».

Надо ли говорить, что место битвы нашлось на земле богатого помещика С.Д. Нечаева²⁹.

На Куликовом поле, начиная с 20-х годов XIX века и по сей день, проводятся археологические раскопки. Но их результаты даже ориентировочно не дают возможности определить место битвы.

Следует заметить, что при отражении набегов крымских татар в течение всего XVI века в районе Куликова поля происходили десятки сражений и стычек русских и татар. Тем не менее на Куликовом поле (в его широком понимании) было найдено сравнительно немного оружия. Причем находки были почти равномерно распределены как территориально, так и хронологически – от XI до XVII века. (Не могут же чугунные ядра, свинцовые пули и даже кремневый пистолет относиться к 1380 году!) Самое же удивительное, что на Куликовом поле, и в узком, и в широком смысле, не было найдено групповых захоронений воинов.

²⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 286–287.

²⁸ Цит. по: Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черноусов П.Ю. Загадки древней Руси. М.: Вече, 2000. С. 358–359.

²⁹ Ему принадлежало село Куликовка и около 1400 гектаров в районе так называемого Куликова поля.

Очень странна и роль Дмитрия Московского в Куликовской битве. В «Сказании о Мамаевом побоище» главная роль в сражении отводится не Дмитрию, а его двоюродному брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому. Хуже другое – согласно всем трем источникам – Дмитрий отказался управлять войсками.

Дмитрий Донской якобы еще перед сражением «свлече с себя приволоку царскую» и возложил ее на любимого боярина Михаила Андреевича Бренка, которому передал также и своего коня. Великий князь также повелел свое красное («чермное») знамя «над ним (Бренком) возити»³⁰.

Так себя не вел ни один русский князь. Наоборот, авторитет князя в IX–XV веках на Руси был так велик, что часто ратники не хотели идти воевать без князя. Поэтому, если взрослого князя не было, в поход брали княжича. Так, трехлетнего князя Святослава Игоревича посадили на лошадь и велели метнуть маленькое копьё. Копьё упало у ног лошади, и это стало сигналом к началу битвы. Да что вспоминать X век, самого Митю в начале его княжения в 10–15 лет московские бояре неоднократно возили в походы.

Не было аналога поведению Дмитрия Донского и в Западной Европе. Ни один король, герцог или граф не переодевался простым ратником. По сему поводу профессор Казанского педагогического университета И.А. Гафаров писал: «С кем же князь менялся своим княжеским одеянием? Оказывается, им был боярин Михаил Андреевич Бренк, которого, как уверяют современники, он (Дмитрий Донской) любил, а между тем не пожалел подвергнуть опасности за себя самого, то есть просто послал на верную гибель. Дмитрий передел своего боярина великим князем с той целью, чтобы сохранить себя от преждевременной гибели и еще более от позорного плена, потому что татары, узнав великого князя по знамени и по приволоке (плащу), приложили бы все усилия, чтобы схватить его. Иного побуждения быть не могло (точно так же поступил и персонаж книги "Живые и мертвые" К. Симонова полковник Баранов, который, боясь попасть в плен, сжег свою гимнастерку, партбилет и переделся в форму рядового бойца)»³¹.

И действительно, любой командир Красной армии, от лейтенанта до маршала, повторивший действия Дмитрия Донского, однозначно был бы расстрелян военным трибуналом или даже без суда и следствия.

Наконец, действия Дмитрия Донского технически сложны. «Легенда о переодевании Дмитрия Донского поражает своими несообразностями. Трудно поверить, чтобы князь мог отдать любимого коня кому бы то ни было. Боевой конь значил для воина слишком много, чтобы менять его за считанные минуты до сечи. Конь мог вынести седока с поля боя, либо погубить его. Великокняжеский доспех отличался особой прочностью и был отлично подогнан к его фигуре. Менять его также было бы делом безрассудным»³².

Полностью исключить возможность того, что Дмитрий Донской оказался под срубленным деревом, нельзя. Так, профессор З.З. Мифтахов пишет: «Когда великий князь Дмитрий Иванович, ставший с самого начала битвы простым воином, "увидел гибель своего левого крыла, то в ужасе бросился скакать прочь со своими ближайшими боярами". Далее случилось непредвиденное. Дело в том, что великий князь и его сподвижники приблизились к лесу, где в засаде (поскыне) находился Засадный полк. Деревья, росшие на краю леса, "были подрублены для быстрого устройства завала в случае вражеского прорыва". Когда Дмитрий Иванович со своими ближайшими боярами стал въезжать в лес, "бывшие в засаде приняли его за татарина

³⁰ Повести о Куликовской битве. М. – Л., 1959. С. 66, 72.

³¹ Гафаров И.А. От истоков к истине. Казань: Дом печати, 2002. С. 11.

³² Скрынников Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения. Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 68.

и свалили на него подрубленное дерево, но бек (князь) все же остался жив". После окончания боя его долго искали. Дмитрия Ивановича "нашли без сознания под срубленным деревом"»³³.

Однако куда более вероятно то, что великий князь решил вообще не участвовать в бою, а отсидеться где-нибудь подальше, чтобы в случае неудачи иметь больше шансов уйти целым и невредимым. Кстати, через два года он так и поступит: бросит Москву и убежит на север при приближении Тохтамышевой рати.

В битве погибло множество русских ратников: князь Федор Романович Белозерский и его сын Иван, князь Федор Тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, двенадцать бояр, а также 20 знатных «литовских панов». Я не пишу число русских ратников, потому что цифры, приведенные нашими остепененными историками, отличаются в разы, а то и на порядок. Еще сложнее говорить о погибших уроженцах Малой Руси. Но в любом случае их число, по крайней мере, трехзначное.

Обратим внимание, ни в одном из древних источников ничего не говорится о пленных татарах. Обходят этот вопрос и историки XIX – XX веков. Такая великая битва, и без пленных? Может, в пылу битвы русские перебили пленных? Но о таком явлении летописцы обязательно написали бы. Да и во всех войнах до и после 1380 г. обе стороны если и убивали простых воинов, то уж обязательно старались взять в плен князей и воевод. Во-первых, это почет – взять в плен знатного врага, а во-вторых, главное – деньги, ведь за него можно получить огромный выкуп. А тут никаких пленных!

Могло быть только два варианта. Или татары на Куликовом поле не панически бежали с места боя, а отступали в относительном порядке, или пленные были отбиты рязанцами или литовцами, а позже отпущены за выкуп. Оба варианта не устраивали ни летописцев XIV–XV веков, ни историков XIX – XX веков, и они вопрос с пленными попросту опустили.

Любопытны и события после Куликовской битвы. Весной и летом 1381 г. шли стычки между московским и рязанским войсками. Однако достоверных данных о них до нас не дошло. Известно лишь, что 6 августа 1381 г. было подписано dokonчание великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем.

В договоре говорилось и об инцидентах, произошедших после Куликовской битвы. «А что князь великий Дмитрий и брат, князь Володимер, билися на Дону с татары, от того веремени что грабеж или что поиманные у князя у великого людий у Дмитрия и у его брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчий, отдати то по исправе». В летописи не упоминается, о каких пленных идет речь: о московских ратниках, захваченных рязанцами, или о татарских, сменивших московский плен на рязанский. Я лично думаю, что речь идет о татарах. Зачем Олегу удерживать московских ратников, он вернул бы их так или за выкуп. А татары нужны ему для дипломатического торга или, как минимум, для большого выкупа.

Доподлинно же известно, что Олег Иванович все-таки ограбил людей Дмитрия Ивановича, возвращавшихся домой после Куликовской битвы. Причем в договоре не предусматривается безусловного возвращения полона. Решение этого вопроса откладывается до общего суда. Судя по тому, что вопрос о пресловутом донском полоне ставился и в последующих dokonчальных грамотах наследников Дмитрия Ивановича и Олега Ивановича, Рязань так ничего Москве и не вернула.

Узнав о захвате власти в Орде ханом Тохтамышем, Дмитрий Донской отправил послов с большой данью. Никаких разговоров о том, что можно дань не платить, в Москве не велось. Таким образом, если бы Мамай победил Тохтамыша, то ему не нужно было бы идти на Куликово поле, Дмитрий Иванович сам бы привез дань на блюдечке с голубой каемочкой.

В 1382 г. новый золотоордынский хан Тохтамыш начал готовить поход на Москву. В Орде нашлись «доброхоты», предупредившие Дмитрия Донского о походе Тохтамыша на Русь.

³³ Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 272.

Таким образом, Дмитрий имел достаточно времени для сбора войска, тем не менее великий князь поехал «собирать полки». Обратим внимание на его маршрут: Переяславль Залесский – Ростов – Кострома. По мнению одних историков, Дмитрий остановился в Костроме, другие же считают, что двинулся на север, к Вологде.

Пардон, это не тактический маневр, это бегство. Если бы князь думал о сопротивлении татарам, он мог либо отсидеться в Москве, либо стать с войском в 30—100 верстах от Москвы, к примеру, в Можайске, Волоколамске, Дмитрове и др. Если бы Тохтамыш осадил Москву, Дмитрий мог бы не допустить движения отдельных татарских отрядов на запад и на север, а главное, угрожал бы осаждающим, в любой момент мог прийти на помощь Москве, например, при штурме ее татарами. Зачем собирать войско в Костроме или в Вологде? Да пока эти рати дойдут до Москвы, татары десять раз успеют уйти в степи. При этом в летописях нет сведений о том, что хоть кого-то там собрал великий князь.

Вся родня Дмитрия разбежалась, как тараканы. Я серьезно говорю: двоюродный брат Владимир Андреевич убежал в Волоколамск, его жена и мать – в Торжок, Евдокия, жена Донского, с детьми побежала за мужем в Кострому. Дало деру и духовное сословие – Герасим, владыка Коломенский, убежал аж в Новгород, а митрополит Киприан оказался в Твери, за что позже на него взъялся великий князь.

«Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнуемому в буру великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель»³⁴.

Передовые татарские отряды подошли к Москве 23 августа 1382 г. Князь Остей с дружиной и горожанами успешно держал оборону города. Нетрудно предположить что значительная часть дружины Остея была уроженцами Малой Руси.

По некоторым данным, в ходе осады русские впервые применили пушки (тюфяки). Согласно летописи, татарам удалось обмануть русских. Сыновья суздальского князя Дмитрия Василий и Симеон, прибывшие вместе с татарами, пообещали прощение хана, если москвичи откроют ворота.

«И отворили ворота городские, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них был убит князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов и игуменов, хотя и были они в ризах, и с крестами, и черных людей...

Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и нигде от острия меча укрыться! Лишились всего и князь и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных укрылись, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли»³⁵.

Все русские и советские историки при изложении событий 1382 г. брали за основу «Повесть о нашествии Тохтамыша», ну и прибавляли понемногу отсебятины.

А вот профессор З.З. Мифтахов, опираясь на болгарские летописи, изложил совсем другую историю. С некоторым упрощением, дело было так. Тохтамыш подошел к Москве, но затем отошел, а осаждать город отправил болгарский отряд под началом князя Бургаса, сына погиб-

³⁴ Воинские повести древней Руси. С. 282.

³⁵ Воинские повести древней Руси. С. 284–285.

шего на Куликовом поле Сардара Гарафа. (Мифтахов пишет о трех тысячах болгар при трех пушках с пушечных дел мастером Раилем.)

Князь Остей видел уход основной татарской рати и решил пойти на вылазку, чтобы уничтожить болгар. Из двух московских ворот вылетела тысяча литовских (украинских) всадников и четыре тысячи русских.

В ходе битвы князь Остей погиб, а литовцы и русские начали беспорядочный отход. В воротах началась давка. «Тем временем мастер "Раиль, подтащив пушки прямо ко рву, несколько раз выстрелил из них по бегущим в Москву обезумевшим толпам и по башне над воротами" ("Свод болгарских летописей". С. 220). После непродолжительного боя Буртас захватил ворота»³⁶.

Бой за ворота шел с переменным успехом. И в этот момент к стенам Москвы подошли основные силы Тохтамыша. Татары ворвались в город и учинили резню.

Я предоставляю читателю самому выбрать наиболее достоверную версию событий 23–26 августа 1382 г. Думаю, большинство по укоренившейся традиции предпочтет версию «Повести...». Но я, грешный, более склонен верить болгарской летописи. Дело в том, что и русские, и литовцы прекрасно знали обычаи татар. От них часто удавалось откупиться, но при этом ворота городов им не открывали.

Итак, у Остея была тысяча литовских всадников. Если среди них были этнические литовцы, то их можно было пересчитать по пальцам, а вот уроженцев Малой Руси, повторяю, было не меньше половины.

Ну а кто был сей Остей? В литовских родословных есть только один Остей – Александр, сын князя Андрея Ольгердовича. Тем не менее отечественные историки верят, что было два Остея. Один убит татарами в 1382 г., а второй был наместником князя Дмитрия Донского в Коломне и убит в 1385 г.

Если же руководствоваться арифметическими расчетами и здравым смыслом, то очевидно, что Остей был один – Александр Андреевич.

Скорей всего, профессор Мифтахов и болгарские летописи соответствуют действительности. Подвиг на поле Куликовом совершил не Андрей, а его сын Александр-Остей. А вот литовская дружина была его отца. Ну а, соответственно, авторы «Задонщины» и тем более фальсификаторы ее попросту все перепутали.

Ну а в 1382 г. лихой витязь Остей мог и пробиться сквозь ряды татар. Ну а далее стать воеводой в Коломне.

Ну а теперь перейдем к другой великой битве, где бок о бок сражались уроженцы Малой, Белой и Великой Руси.

Золотоордынский хан Тохтамыш возомнил себя великим полководцем и вступил в спор за город Тебриз со своим недавним покровителем Тимуром (Тамерланом).

18 июня 1391 г. на реке Кондурче состоялось генеральное сражение между армиями Тимура и Тохтамыша (сейчас на этом месте расположено Куйбышевское (Самарское) водохранилище). В войске Тохтамыша нашлись предатели, и хан Золотой Орды потерпел сокрушительное поражение. Однако по неясным причинам Тимур не стал переправляться на правый берег Волги.

15 апреля 1395 г. состоялось новое генеральное сражение, на сей раз в долине реки Терек. Тохтамыш был вновь разбит и бежал на север, преследуемый противником.

После того как Тимур выгнал Тохтамыша с Волги, в Орде начал распоряжаться старый хитрый мурза Едигей (Эдигей), ранее служивший у Тимура. Он и возвел на престол Чингизида Тимур-Кутлуя.

³⁶ Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 282–283.

Хан Тохтамыш поначалу кочевал в причерноморских степях, но после поражения в 1398 г. от войска Тимур-Кутлюя Тохтамыш с тридцатитысячным войском бежит в Киев. Витовт с удовольствием принимает татар.

Замечу, что это не первый приход татарской орды на службу в Великое княжество Литовское и Польшу. Так, около 1300 г. в Польшу приходил со своей ордой Кара-Кисяк, внук хана Ногая. Его татары получили земли в Краковском воеводстве. При великом князе Гедимине на службу приходило несколько тысяч татар. Из них Гедимин сформировал уланские полки («улан» происходит от тюркского слова «оглан» – сын хана). В 80-х годах XIV века в Литву уходит с ордой Мансур Кият, сын хана Мамаю, и т. д.

Теперь же Витовту были нужны не только воины. Чингизид Тохтамыш был очень влиятельной фигурой, и Витовт надеялся с его помощью продолжить свои завоевания на юго-востоке.

Тимур-Кутлуй не мог, конечно, спокойно смотреть на пребывание своего противника в качестве почетного гостя у литовского князя. Новый золотоордынский хан знал, что в Литве готовится против него заговор, который надо во что бы то ни стало парализовать. Поэтому уже в следующем, 1399 г. он отправляет послов к великому князю литовскому: «Выдай ми царя беглого, Тохтамыша, враг бо ми есть и не могу тръпети, слышав его жива суца и у тебя живуца... выдай ми его, а что около его ни есть, то тебе».

Летописец, говоря о планах Витовта, вкладывает великому князю в уста следующие слова: «Поидем пленити землю Татарскую, победим царя Темирь Турлуя, возьмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим в Орде на царстве его царя Тахтамыша, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем Примории, и на Казани, и то будет все наше и царь наш».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.